

О советской геологии и добыче нефти, студенческих экспедициях и споре мобилистов с фиксистами о подвижности материков

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1646>

🎙 15 мая 2013

Собеседник

Короновский Николай Владимирович

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 15 мая 2013 и опубликована 17 июня 2016.

Введение

Геолог Николай Короновский вспоминает о начале войны, о том, как приходилось выживать в блокадном Ленинграде и как отцу удалось вывезти их с мамой в эвакуацию. О первой школе, и о том, как почти случайно выбрал профессию и прошел собеседование при поступлении в МГУ. Большая часть беседы посвящена системе советского образования и студенческой жизни, в которой значительное место было отведено спорту и экспедициям. Ученый размышляет об изменениях в отношении к геологии как науке и профессиональной специализации. В заключительной части беседы Короновский вспоминает спор фиксистов и мобилистов, рассказывает о культуре научных дискуссий прошлых лет и всегда трудном процессе внедрения новых идей в отечественную науку.

Николай Александрович Формозов: Давайте начнем с вашего детства. Как вы пришли в науку? Какая была обстановка? Это 1951 год. Вы поступили в университет.

Николай Владимирович Короновский: Тут надо начать чуть раньше. Я участник войны. Я блокадник.

Н.Ф.: Расскажите об этом тоже.

Н.К.: Значит, я родился в 1933 году. В Ленинграде. И детство провел в Ленинграде. У нас была дача под Токсово, это пригород Ленинграда. И вот я хорошо помню первый день войны. У нас там были военные лагеря. И в этих лагерях солдаты упражнялись в стрельбе... Утром двадцать второго июня были стрельбы. И — разрывы прямо над головой. В общем, что-то необычное. И вот мы услышали, что началась война. Я помню, летел маленький самолет, немецкий. Высоко. Отец кепкой махал в сторону от Ленинграда. Но это был анекдот, потому что самолет летел высоко... Началась война, и мы оказались в блокаде. Выжили мы только потому, что мать нашла в старой кладовке килограмм крахмала, который мы и заваривали всю зиму. Умерли все у нас. Все бабушки, родственники.

Н.Ф.: А кто по специальности были родители?

Н.К.: Отец был заведующим кафедрой в Институте физкультуры имени Лесгафта. Но его призвали. Он был старшим лейтенантом в команде ПО, местная противовоздушная оборона. Он разряжал неразорвавшиеся бомбы, а заодно спасал, когда завалены в домах от бомбежек были. Мы жили на улице Жуковского, пересечение с Восстания.

Н.Ф.: Да-да.

Н.К.: А потом переехали. Там бомбили очень сильно. Дом был старый. И переехали мы... Отец перевез нас в Капеллу. Капелла выходит прямо на Мойку, на Дворцовую площадь. И мы там занимали комнатку, восемь квадратных метров. Отец из бочки сделал нам печку. И мы там, значит, сидели всю блокаду. Не всю, вернее, блокаду. Отец нас вывез уже в марте 1942-го, я даже уже не помню, через Ладожское озеро. А до этого мы были там. Но самое тяжелое — это был ноябрь-декабрь-январь-февраль 1942-го. Январь 1942-го. Это было страшное время. Я еще умудрился заболеть: одновременно корь, коклюш и воспаление легких! Я это хорошо помню. Как выжил — это вообще сказка! Но не важно. Я не учился ни в первом классе, ни во втором. Ни в третьем классе.

Н.Ф.: А вы должны были как раз идти в школу?

Н.К.: Идти я должен был в 1941 году. Я 1933 года [рождения]. Я даже помню финскую войну. Финская война проявлялась в том, что тогда тревоги были. И бабушка меня начинала одевать в бомбоубежище. Мать и отец на работе... А раньше было как? Надо было рейтузы надевать, помочи... Пока она все надевала — уже отбой. Мы уже не ходили. Вот вся финская война. А эта война, конечно, была ужасной. Я помню седьмое сентября, когда горели Бадаевские склады. Был массовый налет. На Бадаевских складах продовольствие было — подожгли. И мы ходили смотреть, как течет река из масла, река из сахара. Но никто не понимал, что это собирать надо было! Ну течет и течет! Когда уже блокада стала полная — это, по-моему, седьмого числа, когда перерезали у Тосно путь — все, блокада стала полная. И вот тут началось! Ну ладно, как-то выжили в блокаду. Отец посадил нас, я хорошо помню, на поезд. Мы доехали в Кобону, по-моему, в Кобоне — я не помню, что было на этой стороне Ладожского озера и что было на другой. Значит, он посадил нас...

Переехали мы ночью через Ладожское озеро. По последнему льду. Уже везде были лужи. Я хорошо помню автобус типа ЗИС-5, с фанерными стеклами. Стекол не было. В Борисову Гриву мы приехали, а переехали через озеро в Кобону. И там нас впервые накормили горячей едой! Какая-то каша. Какой-то суп был. Поместили нас в теплушки. В это время немцы налетели, обстреляли. И мы смотрели с матерью на дырки от пуль наклоном — он стрелял под очень большим... то есть под малым углом. Поэтому у нас дырки были — а пули, они попадали в соседний вагон. Нас не задело. В общем, приехали мы через месяц в деревню Запоино, в Кировской области, у реки Чепца. Пробыли там недолго. У меня в памяти осталось, как хозяйка пекла хлеб. Когда она в русской печке вынимала хлеб, она завертывала в полотенце, а потом

отрезала теплый. Черный хлеб был круглый. И давала мне кусок. Вот это было феноменально! Ну ладно, пережили мы эту блокаду. Потом отца демобилизовали, и он приехал за нами. Он был в Свердловске в то время. Приехал и нас увез в Москву. А в Москве он уже стал сначала заместителем директора Института физической культуры имени Сталина. У отца была интересная судьба. Я написал книжку «День за днем. Бегом по жизни», к семидесятилетию. Она есть у меня здесь.

Об отце

Н.К.: Отец-то был гусар! Он кончил Псковский кадетский корпус, потому что дедушка был полковник. И его и брата взяли своекоштными кадетами. Я читал лекцию в Пскове, соросовскую — я соросовский профессор. И нашел парнишку, который написал диссертацию «История Псковского кадетского корпуса». И он мне тут же выложил все. Там очень интересная есть формулировка. Отца на полгода как-то исключили с формулировкой «за тихие успехи и громкое поведение».

Н.Ф.: (*Смеется.*) Как замечательно!

Н.К.: Он был отчаянный. Так и написано! Он потом поступил в Николаевское кавалерийское училище. Окончил. В Первую мировую войну он стал корнетом. И воевал. Всю войну воевал. Был ранен в плечо, получил очень много наград. У меня есть наградной лист его, где три «Анны», кроме первой степени. Четвертая, третья и вторая степень «Анны». Два «Владимира» с мечами и бантом, «Станислава» и георгиевское оружие.

Георгиевское оружие приравнивалось к Георгиевскому кресту. Он был отчаянный. Потом, в 1918 году, его избрали командиром полка солдаты. Но он демобилизовался, будучи раненым в плечо. И вот тут началась его эпопея. Есть грамота у меня, которая звучит так: «Чемпион Петрограда и Кронштадта по боксу»: он пошел по физкультурной линии. Но по физкультурной какой — как педагог. Там, по-моему, кафедра какая-то педагогическая была, в [Институте имени] Лесгафта. Но началась война. Страшное дело. А после войны мы приехали сюда. Жили сначала в Измайлове. Отец, он был замдиректора, потом — директором. Нас поселили в Мерзляковском переулке, в ведомственном доме, дали две комнаты. Я поступил в 110-ю школу, она рядом была. Это была, сейчас бы сказали, суперэлитная школа. Но тогда [в ней] учились все, кто жил рядом. Иван Кузьмич Новиков, директор, в то время у него уж было, по-моему, два ордена Ленина. Это у учителя! Представляете себе!

Н.Ф.: Да.

Отец Володя, дядя Павел и бабушка Александра Ивановна Короновская. Источник: Короновский Н. День за днем бегом по жизни

О школе

Н.К.: Ну вот. Да! Интересно было: когда мы приехали, повели меня в школу. В Измайлове не то в церкви она была, не то рядом с церковью. Это где стоял Преображенский полк Петра. Меня проверили. Сказали: «Для первого класса шибко грамотный. Для второго тоже шибко грамотный. И для третьего шибко грамотный». Я умел читать, считать, рисовать. В общем, поступил я в 437-ю школу...

Н.Ф.: Нет, сначала в 110-ю! Или?

Н.К.: Не-не-не! Сначала я кончил четвертый класс. Отличник полный! У меня там — Ленин, Сталин — грамоты есть. И премирован орденом в ОРС (отдел рабочего снабжения) на черный лыжный чесучовый костюм. (*Н.Ф. смеется.*) Это я хорошо помню! Мать ездила. Ничего же не было! А ОРСы были. Но потом поступил в 110-ю школу. Директор принимал так. Говорил: «Ваш сын имеет право — живет рядом. А что вы можете делать для школы?» Он (*отец — ред.*) говорит: «Ну... поднять физкультуру на невиданную высоту в школе». — «Ваш сын принят». У нас учился Пысин или Песин, [сын] министра угольного... Угольщик он был. Ему сказали так: «А вы что можете сделать?» — «Ну... завалить школу углем!» И каждое лето у нас во дворе гора угля. Нигде не было, а там было. Вот такие были взятки в то время. Не денежные, а такие. Но, знаете, школа была изумительная! В первом диктанте в пятом классе я, по-моему, сделал сорок ошибок. После круглого отличника! Тут же отец нанял учительницу старенькую, в Скатертном переулке. И когда я первую тройку получил, в классе был праздник! Это я хорошо помню. Но потом нормально, выучился. Знаете, школа эта оставила неизгладимое впечатление, в отличие от современных школ. У меня два сына. Одному уже пятьдесят пять лет, другому тридцать семь. Внук, внучка. Но как сейчас

учат! И как они даже учились! Это небо и земля! Учителя были! Понимаете? Им цены не было. Вера Акимовна Гусева, математичка. Она была ростом, наверное, метр пятьдесят. Звали ее Молекула, за рост. А школа-то мужская была. И особенно славился преподаватель литературы Владимир Антонович Котляревский. Он был старый очень, потомок украинских просветителей Котляревских, вот так. Он великолепно преподавал литературу. Но в 1947 году пришел директор Иван Кузьмич в класс и сказал, что Иосиф Виссарионович распорядился, чтобы в школах, не во всех, но в некоторых, ввели латынь и греческий. И он объяснил, почему. Сталин сказал, что, когда он учился в семинарии, в тифлисской, его заставляли учить греческий и латынь. Что это очень хорошие языки. «Значит, мы сейчас проголосуем, добровольно, за то, чтобы у нас был либо греческий, либо латынь. Но мы решили ввести латынь», — он говорит. У нас был такой Швабауэр. Потом он сменил фамилию на Желдин, артистом стал. На Таганке много играл. Сейчас во всех фильмах играет, всегда отрицательные типажи у него. Он говорит: «А можно против голосовать?» — «Ну конечно, — говорит, — можно!» — «И ничего не будет?» — «Ничего». Это седьмой класс был. Ну, мы проголосовали за латынь, а он был против. На что Иван Кузьмич сказал: «Завтра придешь с матерью». А он жил в ГУМе. Не сам ГУМ, а за ним, другой ГУМ... В общем, ввели латынь. А кто будет преподавать? Всех, кто знал греческий и латынь, Иосиф Виссарионович давно уже ликвидировал. А Котляревский говорит: «Простите, я из гимназии. Знаю свободно немецкий, французский, латынь и греческий. Я могу преподавать латынь». И он четыре года нам преподавал латынь. Знаете, это было нечто! Мы ненавидели латынь! Но он нас выучил! Я говорю студентам: меня разбудил ночью, и я начну — *donna caris felix multos numerabis amicos...* (*Пока счастлив будешь, много будет друзей у тебя. Овидий — ред.*) Ну и так далее. Комментарии Цезаря о Галльской войне — мы это изучали все... Правда, в десятом классе мы во дворе устроили костер из учебников латыни. Тем не менее это очень помогло мне в Университете. Палеоботаника, ботаника у нас была, зоология — все же на латыни! И палеонтология. В общем, учителя были замечательные. Вот физик, Иван Адамович Чернышевич, его черта была такая: он на старом щите, электрическом, мраморном, пальцами определял, где сто двадцать, а где двести двадцать. И не дергался при этом! Это было нечто! Вот преподаватель географии, Елизавета Михайловна. Мы все помним учителей! И только в прошлом году умерла наша классная руководительница. Историчка. Она читала историю древних веков в пятом классе. Но я все помню! Я студентов спрашиваю что-нибудь — они ничего не знают! Еду в Грецию...

Н.Ф.: Как ее звали?

Н.К.: Елизавета Михайловна. Фамилию забыл. Она прекрасно читала географию... Ну, мы знали...

Н.Ф.: Нет, историчка.

Н.К.: А, историчка — это была Нина Александровна Глатманн.

Н.Ф.: Глатманн.

Н.К.: Мы были у нее первые. Она была немножко инвалид: у нее одна нога короче была, она хромала. Но вот историю древних веков... Я помню, в Греции работал, там землетрясение. Проезжаем. Я говорю: «А что это за деревня?» — «Это Платеи!» — Я говорю: «Это 472-й год, битва спартанцев с афинянами?» — «Да, вон разбросаны, видите...» А эта деревня так с V века нашей эры деревня и есть. Понимаете, школа дала очень [много]... Она дала образование! Я вот разбираю на балконе, в шкафах. Нашел буквально днями: оказывается, в седьмом классе я написал пьесу «Лермонтов», которую ставили у нас в школе. Я вот прочел ее, там и князь Васильчиков, и Пятигорск, и Мартынов. Это седьмой класс. Причем спектакль! Одно действие, но там все написано! Вы попробуйте сейчас это сделать, причем без принуждения, просто так. Понимаете, школа — это была школа. Она давала *образование*, она не натаскивала!

Н.Ф.: А у вас сохранились отношения с вашими одноклассниками?

Н.К.: Вы знаете, почти все умерли. Но есть, да. Некоторые есть.

Н.Ф.: Но сохранялись?

Н.К.: Сохранялись! Каждый год мы к Нине Александровне ездили. Она жила где-то далеко. Новый район,

я даже забыл. Мы всегда к ней ездили. И это было очень, так сказать... Нас это подбадривало. И она всегда, понимаете, так: «Николаша! Ну ты что же, не помнишь?» (*Н.Ф. смеется.*) — «Нина Александровна, это 1946 год!» — «Да, — говорит, — я хорошо помню!» (*Н.Ф. смеется.*) Вы понимаете, вот так. А Вера Акимовна Гусева, математик. Она же, понимаете... Из школы много погибло на войне. Десятиклассники. Она собрала деньги и добилась того, что в школе поставили огромный памятник.

Н.Ф.: Да, это известный памятник.

Н.К.: Известный памятник. Его перенесли сейчас. Сейчас эту школу отдали музыкальной школе, а его перенесли к 100-й школе. Рядом в переулке, в Медвежьем. Перенесли туда. А она же была ростом, ну я не знаю, вот такая... Молекула. А школа-то такая! Периодически, помню, раздавался в коридоре крик: «Молекулу зашибли!» Ее под руки вели в учительскую. Понимаете?

Н.Ф.: Кто-то бегал там, и ее сбили!

Н.К.: Ну да! Здоровые ребята были! Как шарахнут ее! И вот кончили мы школу. И вот столько эта школа оставила! Ведь мы же хорошо занимались. Я по матери-то немец, русский немец. Я немецкий знал. Мы ругались с бабушкой в детстве по-немецки. Я потом плюнул. Под лозунгом: «Зачем в стране советской нам изучать язык немецкий?!» Мне мать все говорила: «Ну ты немножко... Я тебе поставлю, и ты будешь свободно [говорить]...» — «Зачем мне это надо все?!» А немецкий у нас преподавала Лидия Германовна Янсон, немка. Она плохо говорила по-русски. Но она у меня иной раз спрашивала так: «Николя! А ты знаешь, почему меня Сталин не *посадили?*» Я говорю: «Лидия Германовна, откуда же я знаю?» — «А я преподавала немецкий в семье Ульяновых». Понимаете?

Н.Ф.: Да, действительно. (*Смеется.*)

Н.К.: Преподавала немецкий. Ее не посадили, хотя она немка была. Немка.

О матери и немецких родственниках

Н.Ф.: А ваши родственники с немецкой стороны как-то пострадали? Или все-таки тоже...

Н.К.: А не было родственников.

Н.Ф.: Ну мать.

Н.К.: Как писали: «Родственников до 1917 года не имел».

Вот так, понимаете. Я чуть попозже скажу об этом. Тоже интересно. Ведь вот жизнь такая. Но я в пятом классе с Лидией Германовной поругался, причем по-немецки. Она была настолько потрясена, что до десятого класса я был освобожден от немецкого! (*Н.Ф. смеется.*) Чего учить-то, понимаете? Мать у меня преподавала немецкий у отца в Инфизкульте. Но она больше всего вспоминала — до войны она преподавала в Академии связи. Ее студентом был известный потом маршал связи Пересыпкин. И она говорила всегда: «Как хорошо было, в отличие от Института физкультуры, в академии! Там курсант Сидоров не выучил склонение — вызывает начальник кафедры: „Курсант Сидоров! Выучить спряжение. Ответить. И доложить об исполнении к четырем ноль-ноль на следующий день!“ И курсант Сидоров докладывает, что выучил спряжение». Никаких проблем, говорит, не было. А в Институт физкультуры я ходил питаться, это 1947—1948 год, голодные.

Н.Ф.: Уже в Москве?

Н.К.: Да. Мы жили в Мерзляковском. Я ездил на Курский, туда, и ходил на Казакова. Там обеды были хорошие. Отец давал все. Матери сдавали Евгений и Виталий Огуренковы, чемпионы по боксу. Мать... Я сидел в уголке. Она говорит: «Ну-ну! Вот скажите: *Ich habe eine Zeitung* (у меня есть газета)». Он говорит: «Их хабе айнен...» — «Ну, знаете, хабэ, хабэ» — «Знаете, Елена Георгиевна, меня два часа били

по физиономии, я в нокдауне был, у меня голова не варит!» (*Н.Ф. смеется.*) Какое хабэ! Мать в ужасе была. Ну вот, понимаете, кончили мы школу. А я был спортсмен, отец меня всячески...

Н.Ф.: Это было в 1950-м, да? Или в 1951-м?

О поступлении в МГУ

Н.К.: Да. Я кончил в 1951-м, а это было до этого. У меня был второй разряд по гребле. Я помню, мы по Москва-реке катались на скифах. Был второй разряд по лыжам. Еще какие-то были разряды. И мы с моим однокашником, Леней Длугочем из соседнего класса, решили в летчики идти. Мы уже ходили в аэроклуб, и даже на По-2 подлетывали. И решили, значит, идти в летчики. А у нас на площадке, в доме, жила Вера Петровна Сизых, преподаватель физкультуры геологического факультета. Она говорит: «Коля, ты куда?» Я говорю: «Мы с Леней в летчики». — «Да ты что! Ты охотник. Ты охотился». Действительно, отец мне ружье купил, «тулку». «Давай на геологию! Там такие нужны, спортсмены». А я говорю: «А что это такое?» — «Ну узнаешь, давай!» А я с медалью кончил. Причем тоже анекдот. Значит, я на пятерки учился. Сочинение, помню до сих пор, о «Молодой гвардии» писал. И напихал туда латинских изречений. Ну зачем мы латынь учили?! К месту и не к месту. Кузьмич меня вызывает, директор, говорит: «Знаешь, все хорошо, но у тебя запятая одна спорная. Проверял РОНО, говорит, запятая спорная. А если четыре по сочинению — никакой медали не получаешь, вообще никакой. По русскому должно быть пять». Я говорю: «Иван Кузьмич, если она спорная, то можно в мою пользу?» — «Нет! РОНО говорит — нельзя. Мы сделаем так: мы тебе поставим по алгебре четыре». Я говорю: «Я же все решил хорошо!» — «А по сочинению — пять». (*Н.Ф. смеется.*) Это его слова были. «И ты получишь серебряную медаль». И я получил серебряную медаль. Вот, понимаете, из-за одной спорной запятой! Он говорит: «Это не ошибка! Но там спорят. В РОНО спорят». Я не помню, что там было. Но получил я серебряную медаль, ну и решил... А раньше же без экзаменов медалисты [поступали]. Пошел на геологический факультет на собеседование, в старом здании. Помню, в июле месяце, народу полно. Медалистов куча целая! И я очутился последним. Жаркий очень был день, до сих пор помню. В комиссии был декан Горшков*. Потом он был завкафедрой, я его сменил двадцать семь лет назад. Полтев был, представитель парткома. И Евгений Михайлович Сергеев**, академик в будущем. Заведующий кафедрой инженерной геологии. Они так обрадовались, что я последний! Уже часов пять вечера было. «Ой, садитесь, чайку не хотите?» Я, десятиклассник, смутился. «Сейчас, мы быстро, — и дают мне: — вот что это такое?» Камень. Я говорю: «Это булыжник». Они говорят: «Правильно, вообще-то это гранит. Хорошо. У вас есть вопросы?» А Сергеев говорит: «А выветривание, это что такое?» Я напрягаю мысль, говорю: «Наверно ветер дует и работает...» — «Правильно, но не совсем. Вернее, совсем не так». — «А у вас есть вопросы?» — к Полтеву. «А вы, — говорит, — газеты читаете?» Я говорю: «Читаю. Вот сегодня „Правду“ читал утром. Отец выписывал». — «А что было в „Правде“?» Ну, я говорю: «Как что? Постановление партии и правительства о националистическом стихотворении Владимира Сосюры „Люби Украину“». — «Ну, — говорят, — все! Принят, принят! А геологии научим!» (*Н.Ф. смеется.*) Это было пять минут, не больше! Мое поступление... Это интересно.

* Георгий Петрович Горшков (1909—1984) — геолог, специалист в области геотектоники и сейсмотектоники. Основатель сейсмического районирования, заведующий кафедрой динамической геологии Московского университета (1953—1983).

** Евгений Михайлович Сергеев (1914—1997) — инженер-геолог и грунтовед. Под его руководством были изучены инженерно-геологические особенности многих генетических типов песчаных, лёссовых, глинистых, карбонатных и др. грунтов.

Н.Ф.: А вам отец сказал, что надо почитать? Что будут спрашивать?

Н.К.: Да нет! Я посмотрел сам. Я проглядывал газеты. «Правду» надо было обязательно выписывать-то, «Литературку» мы выписывали. Ну вот, понимаете, это свыше! Что-то свыше совпало. А там действительно был такой Сосюра, его знают на Украине. В общем, я поступил. Ну и вот, проучился я пять лет.

О спорте и учебе

Я вот студентам говорю — сейчас они не верят даже. Я был лыжник, поступил в лыжную секцию. С первого

дня — мы два года в старом здании учились — три раза в неделю мы ездили в Измайлово и под руководством тренера-пятикурсника Симона бегали десять километров, пятнадцать. Причем ночью! Там освещено почти не было, в Измайлово. Потом, пятого декабря, всегда была эстафета в Кирсановке. Пятого декабря всегда был снег. И много снега. А после Нового года, первого числа, мы уезжали на лыжные сборы. Вся секция, человек пятнадцать. Первые сборы были в Звенигороде. У какой-то бабушки снимали избу. Спали на соломе, матрасах. Я уж не помню, как: девочки, мальчики в разных комнатах или в одной межевались как-то. Подъем в шесть утра. Зарядочка часовая. Потом обед, то есть завтрак, который варила бабушка в огромной кастрюле. Что-то одно — либо суп, либо кашу. Потом мы садились за стол. На столе стоял стакан с водой. Все сидели кругом и занимались до часа или до двенадцати, я уж не помню. Если видели, что кто-то засыпал напротив, можно было плескать этим стаканом с водой. Занимались — и на тренировку. Тут три часа.

Н.Ф.: Занимались чем?

Н.К.: Экзаменом. Ну разное: первый, второй, третий курс был...И значит, первый экзамен у меня зоология была, профессор Абрикосов был такой, очень старорежимный. Ходил с бабочкой, в крахмальном воротничке. Очень интеллигентный был. Я, значит, на электричке из Звенигорода. Сюда прихожу, отвечаю ему. Не помню что, но помню, что мышцелок был какой-то... Я вот так взялся за шею. А он говорит: «Молодой человек, он у вас давно атрофировался, мышцелок. Но вам четыре». Я говорю: «Мне нельзя четыре!» — «Почему?» — «Меня выгонят со сбора!» — «Какого?!» Я говорю: «Лыжного!» — «Это очень интересно», — он сказал. Поставил четыре. Меня месяц прорабатывали! Та, которая прорабатывала, — я недавно ее видел — Майя Островская, она была комсомольским организатором. Она чуть не плакала! Говорила: «Как ты мог! Ты бегаешь десять километров по первому разряду, восемнадцать километров... И ты получил четыре!» У нее слезы наворачивались. Я говорю: «Обязуюсь тридцать пробежать! Восемнадцать — нет, этого мало!» — «Как ты мог!» В общем, кончилось дело тем, что с тех пор я ни одной четверки не получил. За все пять лет. У меня был такой психоз: я приходил первым, отвечал первым и уходил сразу. И второй год у нас был лыжный сбор. Вот сейчас говорю студентам: «Вы можете в избе на сене спать? И учиться и сдавать...» — «Мы что, больные? — Они говорят. — Нам дом отдыха надо, хороший». Понимаете, психология изменилась. А геологи особенно. Потому что мы же понимали, что это наша профессия. Ну вот, отучились. И надо сказать, что два года мы учились в старом здании. Понимаете? И нам казались профессора... Богданов*, профессор, заведующий нашей кафедры, был проректором по переезду в новое здание. Великолепный был преподаватель и человек, замечательный. Доцент Москвин, доцент Леонов — все они казались нам такими стариками! А им — сорок! Сорока не было... Понимаете! Когда я сейчас говорю студентам: «Ребята, когда я поступил в 1951 году...» Слышу, они говорят: «Так долго не живут!» Я говорю: «Геологи — живут!» Понимаете, учеба — она была интересна.

Мы отчетливо понимали, какие предметы надо знать, а какие предметы надо сдать желательно на пятерку. Скажем, экономика социализма или диамат — надо сдавать. Историю КПСС — надо сдавать, лучше на пять. А вот, скажем, спецпредметы наши: структурная геология, петрография, геология СССР — это надо знать, это наша профессия. И мы действительно учили.

* Алексей Алексеевич Богданов (1907—1971) — геолог, заведующий кафедрой исторической и региональной геологии МГУ, в 1964—1970 годах декан геологического факультета МГУ. Был автором и редактором ряда тектонических карт мира, Европы, СССР, отдельных регионов и листов территории СССР.

О выборе профессии

Н.Ф.: А когда вы почувствовали, что это ваше?

Н.К.: Я бы сказал, со второго курса, даже с первого. Потому что у нас не было такой практики, как сейчас: первый курс в Крым едет. У нас была подмосковная практика. Но вот что было еще: с первой недели старшекурсники по субботам или воскресеньям нас вывозили под Москву. В карьер в Мячково, в Гжель, в Воскресенск, в Коломенское. Еще помню Парамоновский овраг. Турист, где сейчас Горная школа Тягачева. А раньше там был овраг, отложения нижнего мела. Альбский ярус был, видно хорошо было. И они нас воспитывали, понимаете. Это спланивало. Группы разные, из разных групп были [студенты].

Вот такие вот поездки. И потом крымская практика — уже второй курс. В Крыму — не в таких условиях, мы жили в деревне. Все спали тоже на соломе. Вот это было интересно! А потом начались экспедиции. Казахская, первая. Потом Кавказская, Енисейская.

Н.Ф.: А вот извините, у меня еще вопрос.

Н.К.: Да.

Н.Ф.: То, что вас старшекурсники возили, — это было какое-то научное студенческое общество?

Н.К.: Нет, ничего.

Н.Ф.: Или комсомольская работа?

Н.К.: Нет-нет.

Н.Ф.: А как это организовано было?

Н.К.: Просто так...

Н.Ф.: Просто так?

Н.К.: Просто. Я не знаю...

Н.Ф.: А как они знакомились с младшекурсниками? Обычно все-таки...

Н.К.: Да. До сих пор вот Вильям Артурович Буш*. Он главный геолог, в аэрогеологии был. Сейчас он тоже входит в аэрогеологию. Я недавно его видел. Вот он нас охватывал и объяснял! И мы, понимаете, пели песни, ничего не пили! Никогда никакой выпивки не было. Это была такая дружба. Мы все в форме ходили. У нас же форма была, у геологов-то.

* Вильям Артурович Буш (род. 1931) — докторгеолого-минералогических наук, ведущий геолог ЗАО „Аэрогеофизика“. Беседы с Вильямом Бушем доступны [по ссылке](#).

Н.Ф.: У студентов-геологов.

Н.К.: Да! У геологов погоны были. И девочки, и мы ходили. Мы шили ее за свой счет: в первый же месяц надо было пошить форму. У Курского вокзала специальное было ателье. Но они как шили? По-моему, двести рублей стоило. Они говорят: «Ну-ка выдохни! Что ты надулся!» Ну а я через два месяца уже не мог надеть эту куртку. Я борьбой еще занимался. Я был чемпионом по классической борьбе и самбо МГУ.

Н.Ф.: МГУ?

Н.К.: Да. В общем, я ее продал на Киевском вокзале железнодорожнику. Погоны не оставил, но один погон есть. Я взял его у моей сокурсницы. Понимаете, это интересно было. И МГРИ ходил в погонах. А сейчас погоны восстановил только Ленинградский горный институт.

Она мобилизовывала. Я помню открытие университета, первое сентября 1953 года. Мы стояли все-все в форме, каре геологического факультета. Петровский* выступает. И пошел дождь. Даже, по-моему, град был. Петровскому, по-моему, зонтик дали — по лысине-то бьет град. Нас всех загнали в 415-ю аудиторию. Первая лекция была Белоусова. Понимаете, когда мы учились, была мотивация у всех. То, что сейчас отсутствует *абсолютно*. Никто не знает, что будет. А раньше у нас вот было же распределение. Скажем, на Камчатку — два места. Желающих двадцать человек! А вызывали по успеваемости. Если вы отличник, еще с красным дипломом. Мне Петровский вручал. Вызывали. Рыданий сколько было! Не берут на Камчатку! В Анадырь, Певек — это вообще, понимаете? Там Абрамович, по-моему, не бывал, в Певеке. Рыдали. А почему рыдали? Потому что за Уралом сохранялась московская прописка. А если в Саратов, Куйбышев...

* Иван Георгиевич Петровский (1901 — 1973) — математик, ректор МГУ имени М.В. Ломоносова (1951—1973).

Н.Ф.: Да-да....

Н.К.: ...в эти геологические... Прописка московская уничтожалась.

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Это была одна из мотивировок. Но не важно. Все равно — столько было у нас из республик! Из Таджикистана, Узбекистана, никаких проблем не было, нормально учились. «Золотой век» геологии — это были 1960-е—1970-е годы. Ведь, понимаете, я не был в аспирантуре, но я был...

Н.Ф.: Вас взяли на факультет...

Н.К.: Да, меня взяли в экспедицию. В НИС. Сначала в Енисейскую экспедицию.

Н.Ф.: Ага.

Н.К.: Я хорошо помню, я был в Кавказской экспедиции и диплом писал о Кавказе. У меня он... Вот как писали дипломы? У меня диплом лежит здесь вот. Я им все время пользуюсь, потому что была пятитысячная съемка двух листов. Эльбрус и Тырныауз. Я писал геологическое строение Эльбруса. Я туда лазил наверх. И сейчас даже близко дипломы не стоят к тому, что было в то время. Я могу вам даже показать его.

Н.Ф.: Интересно.

О начале карьеры

Н.К.: Я помню защиту. Георгий Петрович Горшков. Значит, я хорошо доложил. Масса была схем, карт. То, что сейчас даже не мыслится. «Ну вот, у меня, товарищи, такое предложение: давайте будем ходатайствовать о присуждении ему кандидатской степени за диплом». Значит, комиссия, все говорят: «Рано еще. Не надо! Он молодой». — «А я настаиваю. Знаете, работа такая. Он не может прямо ее защищать. Но он подготовит. А мы будем ходатайствовать». Наконец он уломал всех. «Ну ладно», — говорят. «Согласны?» — «Да». А Горшков, он с юмором был: «А вот ему мы и не присудим!» — Все: «Как так?!» — «Зазнается, пусть поработает!» (*Смеются*). А была Кавказская экспедиция у нас большая. Вызывает меня декан, Сергеев был в то время. И говорит: «Нет. Поедешь на Енисей. Организуем экспедицию, енисейскую, большую. Это задание Маленкова». А я потом только вспоминал, что почему. Во-первых, у нас сын учился Маленкова, на кристаллографии. Очень хороший был парень.

Н.Ф.: Я знаю, что один, кажется, физик у него.

Н.К.: Не знаю.

Н.Ф.: Геофизик?

Н.К.: Не знаю. А вот он был кристаллограф. Я забыл, как его звать. Но не в этом дело. А была идея о строительстве электростанции на Енисее. Там же ничего не было. И у нас был такой проект, что мы делаем геологическую съемку двести километров направо, двести километров налево. От Красноярска до Игарки. Но это абсолютно несбыточная вообще идея.

Н.Ф.: Огромное расстояние.

Н.К.: Ладно. Экспедиция. Ознакомительная поездка. У нас был корабль, большой катер. Из Красноярска мы отплыли в Енисейск. Там нас ждал этот катер. Я до сих пор помню, мы плыли на теплоходе «Спартак». Кто-то говорил, что это тот теплоход, на котором Ильича сплавляли в Шушенское. Колесный, старый. С диким количеством клопов за линкрустом. В этих, в каютах. Я не смог — я в спальнике лежал на палубе, так они ползли из кают на палубу, я их сшибал в воду. Это было какое-то умопомрачение. Древнейший корабль был. «Спартак». Вроде он раньше назывался «Николай Второй» или что-то. Не важно. В общем, проработал я год в экспедиции и понял, что это не то, не для меня. Неинтересно. И перевелся опять в Кавказскую. В Кавказской я проработал пять лет. Защитил кандидатскую диссертацию по молодому

вулканизму Кавказа. И вот в 1963-м или 1962 году меня сделали ассистентом. Я защитил уже. Или до защиты, уже не помню, но рядом где-то. Я геологом был — у меня зарплата была сто пять рублей. Но можно было жить на нее. Потом повысили мне как начальнику отряда — сто двадцать. Это уже были деньги, эти сто двадцать. А потом — ассистент. По-моему, сто шестьдесят. Я как-то стою у кабинета на пятом этаже и считаю деньги. Идет Богданов и говорит: «Ты чего делаешь?» Я говорю: «Алексей Алексеевич, этому отдать надо. Этому отдать. Эти я занял. Чего остается-то?» — «А тебе что, денег не хватает?» — Я говорю: «А как вы думали?» — «Ладно!» Через день приходит в комнату: «Не хватает денег?» Я говорю: «Да!» — «Ну, я тебя доцентом сделал!» Вот, понимаете? Это триста двадцать рублей!

Н.Ф.: Да, это...

Н.К.: Да еще полставки. Билет на Камчатку стоил 175 рублей. А когда я стал завкафедрой, у меня оклад был 550 рублей плюс 200 с чем-то — полставки, то есть 800 рублей! Это я мог четыре раза слетать на Камчатку, туда-обратно. А сейчас мне уже где-то над Красноярском с парашютом надо прыгать с моей зарплатой. Сейчас повысили, правда, немного. Вот так я и прошел весь путь. Вот нормальный совершенно путь. Геолог. Я уже с 1956 года преподавал, мой педстаж с 1956 года идет. Сначала практические вел занятия. А стал ассистентом — уже читал лекции по структурной геологии. Потом вот доцент. И в 1980-м я защитил докторскую, стал профессором. Георгий Петрович скончался, заведующий этой кафедрой... А я на другой кафедре был, не на этой. И кафедра меня, как говорят, позвала.

Н.Ф.: А вы заканчивали ее как раз? Эту кафедру?

Н.К.: Нет! Я — другую. Исторической геологии.

Как стал завкафедрой

Н.К.: Георгий Петрович умер, у него сердце было слабое. Год как-то было безвременье здесь. Это была перестройка, 1986 год.

Интересно было... Я даже написал где-то об этом. Да, вот в этой книжке есть. Значит, кафедра выдвинула [меня]. А на кафедре был сто один человек! С НИСом. Сейчас у меня сорок два. А был сто один. Значит, сначала голосование кафедры. Все «за», одна «против», один воздержался. Тот, кто воздержался, долго говорил (он профессор уже): «Зачем я воздержался?! Ты меня никогда не сделаешь теперь профессором!» Я говорю: «Ну почему же я не сделаю?» — «Черт меня дернул воздержаться!» Не важно. Значит... Я сдал документы. Мое выдвижение поддержал Ученый совет. Полагался месяц. Документы лежат. А вдруг кто-нибудь подаст еще, знаете как? Объявляется конкурс — в газете раньше было, в «Вечерней Москве».

Н.Ф.: Да-да.

Н.К.: У меня где-то вырезка была. И вот остается последний день. Я по пятому этажу иду. Идет декан Ершов, [ныне] покойный. И говорит (четыре часа было): «Ну что?» Я говорю: «А что? Ничего, кончается [срок]. Надо проходить остальные инстанции». — «А ты ничего не слышал?» Я говорю: «А что?» — «Звонили из Президиума, вице-президент Академии, академик Яншин. От него везут документы».

Я говорю: «Эдуард (он был Эдуард), слушай, у меня одна медаль „Ветеран труда“. И, говорю, академик-герой — а он был [герой] соцтруда и с «иконостасом». О чем речь? Вице-президент Академии! Мне сразу забирать [документы]?» — «А чего ты спешешь? — говорит. — Кто тебя выдвинул?» — «Ученый совет». — «Подождем». Я пошел к академикам: Сергеев, Меннер, Смирнов Владимир Иванович, уважаемые очень академики. Я говорю Смирнову: «Владимир Иванович, смешно, — говорю, — я все понимаю». — «А что вы понимаете? Во-первых, не вы себя выдвинули. Вас выдвинул Ученый совет. Ну и все! Ждите месяц, а мы посмотрим!» Я говорю: «А что смотреть-то? Понятно». — «Вам еще инстанции надо проходить: партком кафедры, потом еще кафедры заседание, партком факультета, партком университета, потом конкурсная комиссия. И только последняя инстанция, седьмая — Ученый совет университета». А я был тогда молодым членом ВАКа. И у меня в ВАКе был такой Геодикян, член-корреспондент, он был

помощником Яншина. И он мне говорит: «Ну, Коля, я вас так люблю, как вам помочь-то?» Я говорю: «А что такое, Артем Арамович, что случилось-то?» — «Вы сделали моего начальника завкафедрой?» — Я говорю: «Артем Арамович, я-то причем? Демократия пошла. У нас же демократия!» — «Какая демократия? Герой, вице-президент...» — Я говорю: «Я все понимаю, Артем Арамович, будет он. Но надо пройти инстанции». Значит, партком кафедры: Короновский — сто процентов, Яншин — ноль. Партком факультета: Короновский — сто процентов, Яншин — ноль. И по Университету пополз слух.

” Квиткин был секретарь парткома, говорит: «Какая демократия у нас в Университете пошла, представляете себе! Простой какой-то инженер — и вице-президент. И вот ничего не можем сделать! Демократия!»

В общем, все инстанции у Яншина «по нулям». Остался верхний совет. А там был секретарь...

Н.Ф.: А на кафедре тоже за него голосовали?

Н.К.: Нет, не...

Н.Ф.: Кафедра не выдвигала его? Он сам просто...

Н.К.: Да-да-да. Но он имеет право. Любой имеет право выдвинуться! Везут документы. А мы с Яншиным были в очень хороших отношениях. Я с ним плавал на Байкале месяц целый на парохоме. Значит, мои «доброхоты» из Академии тут же посчитали, что у него семьдесят девять нагрузок, кроме вице-президента. Он и завинститутком, и еще там [что-то]... А эта будет восьмидесятая. Значит, он каждую работу выполняет на одну восьмидесятую. В общем, верхний совет. И оттуда звонок раздается: «Что делать?» Садовничий говорит: «Ну...»

Н.Ф.: А уже Садовничий был в 1986 году?

Н.К.: Да! Да, по-моему, Садовничий был... (*Ректором МГУ в это время был Анатолий Алексеевич Логунов; В.А. Садовничий стал ректором в 1992 году. — Ред.*) Понимаете, если совет верхний — вроде как завалит. Это не он говорил, это мне передавали. Завалит вице-президента. Вы сами понимаете, это нонсенс, не может быть такого! Что делать? Говорю: «А я что? Что я могу сделать?» В общем, буквально за час до совета мне звонок, забыл имя-отчество, она была секретарем, ко мне хорошо относилась очень, говорит: «Звонили из Президиума, что Яншин приостанавливает действие своих документов. Не отзывает, а приостанавливает». Все: «Ой, как хорошо!» И единогласно совет меня утвердил. Вот эпопея! Битва русских с кабардинцами!

Н.Ф.: Да!

Н.К.: А потом была такая сцена. По-моему, через год... Я вел какое-то заседание в 611-й аудитории, большой. Я там, у стола, внизу, и наверху появляется Яншин. А у него нога болела сильно очень, он в молодости, до войны или после войны, в Казахстане упал в шурф.

Н.Ф.: Да-да, слышал я эту историю. Да.

Н.К.: У него развился на этом фоне страшный диабет. Травматический диабет. Он плохо ходил. Нуя-то его хорошо знал. Я поднимаюсь наверх, отвожу его вниз, сажаю. Он меня берет за руку: «Николай Владимирович, я вас поздравляю. Но вы поняли, как я вас спасал?» У меня челюсть отвисла, я говорю: «А как, Александр Леонидович?..» — «А понимаете, чтобы никто другой не подал!» (*Н.Ф. смеется.*) А это было, [когда] два часа оставалось до окончания срока принятия документов! Я говорю: «Ну, Александр Леонидович! Александр Леонидович! Я, конечно, понимаю! Вы же ко мне...» — «Да я вас... Коля! Я вас помню. Мы так на Байкале плавали!» В общем, понимаете, это была немая цена. Вот так.

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Вот я, значит, шестьдесят два года в Университете. Вся жизнь прошла здесь. Я написал шестнадцать учебников. Шестнадцать!

Н.Ф.: Замечательно.

Н.К.: Не могу не сказать: к сожалению, в наше время, сейчас, учебники практически ничего не значат! При вашей аттестации что самое главное? Индекс Хирша. Или web of science. Цитирование. А это ваша обязанность! Первая обязанность Университета — учить! Я не знаю, кто бы написал столько учебников. Некоторые вышли уже по девятому разу. Еще переиздаются. Значит, они востребованы. И все время читаю лекции. Я должен сказать, что на старости лет мы все, геологи, сейчас в сложном положении. Нас кормило поле. Мы съездим в экспедицию — и потом несколько лет можно обрабатывать то, что собрали. Сейчас же этого нет.

О геологических экспедициях

Н.Ф.: Сейчас нет экспедиций?

Н.К.: А откуда деньги? У нас был огромный научно-исследовательский сектор. У нас на все кафедры были экспедиции. По всему СССР.

Н.Ф.: А гранты? Они не могут покрыть это?

Н.К.: Ну слушайте! Какие гранты? Если час полета на вертолете сейчас стоит сто восемьдесят тысяч! А грант выдается — пятьсот тысяч на десятерых на год!

Н.Ф.: Да...

Н.К.: Я сам пишу все время. У меня есть грант тоже, но там восемь человек... Двадцать отнимает Университет, что у вас остается?! Вы и на поезде-то не можете проехать!

Только в небольшую командировку... Какие деньги? А это были экспедиции. Мы заключали договора с управлениями. У нас была огромная Казахстанская экспедиция, еще довоенная. И мы снимали листы, слабо были изучены. Потом Кавказ. И была ведь идея Кавказской экспедиции: от Кавказа до Индии. Мы должны были пройти и все закартировать. Через Туркменистан, Таджикистан, Афганистан. Я уж не знаю, каким путем, но такие идеи были.

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Были на Дальнем Востоке. Были у нас на кафедре в Таджикистане, на золото. Геоморфология была. Да мало ли где были они все! И на это всегда находились деньги в управлении, договора у нас были в свое время. Поиски кимберлитов в Архангельской области. Алмазов.

Н.Ф.: А сейчас кто-то ищет кимберлиты вообще?

Н.К.: У нас сейчас государственной геологии практически нет!

Н.Ф.: Частные фирмы ищут?

Н.К.: Ищут частные фирмы.

Н.Ф.: А с кем они договора заключают?

Н.К.: Понимаете, я посылал студентов в частную фирму... В район Тынды. На золото. Там много месторождений. Приехал парень туда. Ему говорят: «Будешь мыть шлихи по этому ручью». Он говорит: «Карты какие геологические?» Ему говорят: «Какие геологические, у нас и топографических-то нет! Зачем? Вот тебе речка! Мы дали — иди, мой!» Вот вся геология!

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Ничему не обучили. Единственное — платили, и то небольшие деньги! А раньше, в экспедиции наши когда мы брали студентов... Вот я работал по Кавказу, скажем. Я брал одного-трех студентов. И мы их обучали там. Меня обучал Милановский* в Казахстане!

* Евгений Евгеньевич Милановский (1923—2012) — геолог, академик РАН, заслуженный профессор МГУ, учитель Короновского. Научные интересы лежали в области региональной геологии, тектоники, неотектоники, теории рифтообразования и вулканологии.

Н.Ф.: Конечно!

Н.К.: У меня первая работа 1956 года, геоморфология и неотектоника Сарысу-Тенизского водораздела. Я нашел ее случайно, даже и забыл о ней. Понимаете, они нас учили, и мы у них учились. Вот нормальная смена. Ты геолог. Потом — ассистент. Ты учишься у доцентов, профессоров. Потом ты доцент. И потом становишься профессором. Сейчас эта связь полностью потеряна. Молодежь, она же понимает, что ее не распределяют, что она не будет работать по специальности. Хороший студент найдет себе место. Но... Многие уходят и уезжают. Сколько мы подготовили хороших ребят! И где они все? Кто в Норвегии, кто во Франции, кто в Дубаи, кто в «Лукойле», кто в частных фирмах этих, золотых... У нас же масса иностранных компаний, работающих сейчас!

Николай Короновский. Енисей. Источник: Короновский Н. День за днем бегом по жизни

Н.Ф.: А как вообще геологическая разведка сейчас? Частные фирмы геологической разведкой вообще

не занимаются?

Н.К.: Вы должны понимать, что все частные фирмы, у них один интерес: получение прибыли.

Н.Ф.: Да.

Н.К.: А наш «Газпром», а «Роснефть», а другие?! А этот, «Лукойл» Алекперова?! У них тоже основная задача — вот эта!

Н.Ф.: Конечно-конечно.

Н.К.: У нас лаборатория на кафедре тектонофизики (у меня пять лабораторий)... Она такая лаборатория, в которой сотрудники изучают с точки зрения физики поведение пластов, разрывов... Иногда нефтяники говорят: «Нам неважно все это! Мы это — не хочу сказать, в гробу видели, но...). Нет! Скажи, где бурить! Скажи, где скважину поставить?»

Н.Ф.: Понятно...

Н.К.: Вот это, вот это надо! Но для того чтобы сказать, где, нужно провести большую работу! До 1980 года у нас десять лет был договор с Чечней. Я в Чечне работал, с Грознефтегеофизикой. Там проблема, потому что исчерпали нефть легкую, которая была в миоценовых отложениях с поверхности — надо идти глубже. Открыли нефть в отложениях верхнего мела. Но там коллектора не такие, как были, песчаные, а трещиноватые известняки. На пике, в 1960-х годах, было двадцать пять миллионов тонн. Кончилась эта нефть. Надо идти глубже. А как идти? Куда? Там очень сложная структура. Надо изучать! Понимаете, это все сейчас ушло. Куда-то это испарилось.

Проблемы геологоразведки и дешевой нефти

Н.Ф.: Но мне все-таки непонятно, как в мире это организовано, где существуют частные фирмы, они же вкладывают в геологоразведку?

Н.К.: Конечно-конечно!

Н.Ф.: А почему у нас не вкладывают?

Н.К.: А у нас ведь так: та нефть...

Н.Ф.: Почему тот же самый «Лукойл» не вкладывает?

Н.К.: ...которая идет сейчас, — Западная Сибирь, за малым исключением, — это все, что открыто при Советской власти.

Н.Ф.: Да.

Н.К.: Новых [не открыли]... А зачем? Можно качать эту нефть! Вот когда открыли Самотлор, при Брежневе, там была фонтанирующая нефть. А Самотлор — это озеро! Пробурили, поставили вышку в озере — и пошел фонтан. И колоссальный дебет! Я не помню, сколько. Тогда Брежнев говорил: «Мы откроем таких еще много Самотлоров. Зальем все нефтью». И вот она фонтанировала, ее качали-качали... И потом давление упало, уже надо не качать, а извлекать. Извлекали-извлекали, потом и ее уже мало. Значит, надо за контуры закачивать воду. А если нефть вязкая — горячую воду. А если горячую, то нужно электричество, нужно нагревать. Это сколько стоит! И вот, добыча нефти у нас падает.

Н.Ф.: Это понятно.

Н.К.: А новая-то где?

Н.Ф.: Почему они не вкладывают? Ведь, может быть...

Н.К.: А зачем вкладывать? Дорого...

Н.Ф.: Может быть, выгодней найти где-то дешевую нефть, чем вкладывать сейчас очень большие деньги в добычу, предположим, в Арктическом шельфе?

Н.К.: Нет. Вот у нас на Сахалине работают платформы. Но там преимущественно сжиженный газ они хотят. Япония будет покупать. Уже построили газовозы. Но, вы понимаете, ведь вкладывать — это дорого! А зачем? Длинных денег никто не любит! Если я вложил миллион, я хочу завтра получить пять!

Н.Ф.: Это я понимаю. Да.

Н.К.: А вот через десять лет... Как говорят, «иншаллах», один Аллах знает, что будет через десять лет...

Н.Ф.: Ну да.

Н.К.: У нас напряженка с новыми месторождениями. Ямал. Газ. С газом плохо у нас тоже. Остался Ямал. Но Ямал — это суровые условия. Там не так все просто. Сейчас единственная наша надежда будущая — это Арктика.

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Это моря шельфовые: Баренцево, Карское, Лаптева.

Н.Ф.: Я так понимаю, что это очень дорогая нефть.

Н.К.: О! Штокмановское месторождение. Давно открыли, уже больше двадцати лет.

Газоконденсатное, крупное очень. В середине Баренцева моря. Шестьсот километров от Мурманска и столько же от Новой Земли. На грани, на кромке льдов. Двадцать лет не могут начать разработку.

Н.Ф.: Да-да.

Н.К.: То не могут договориться — там все фирмы перебивали, я знаю: и «Коноко», и «Шеллы», и «Эмако», и «Норд Гидро». Все отказываются потом. Проблема — как делить конечный продукт. Но там и другое, там глубина большая. Метров триста, если не больше! Это же [надо] поставить платформы. Очень сложно все и очень дорого.

Н.Ф.: Да, я понимаю.

Н.К.: Но уже на эти все северные моря положили глаз и иностранцы. Недаром недавно по телевизору было: большие учения Северного флота и так далее...

Н.Ф.: Да-да.

Н.К.: Что, мол...

Н.Ф.: Да, это я понимаю. Мне все-таки непонятно, чем отличается ситуация в других, так сказать, в мировых добывающих компаниях от наших добывающих компаний.

Н.К.: Ну я не знаю, понимаете, я...

Н.Ф.: Почему они там все-таки вкладывают в геологию?

Н.К.: У них цель. Ведь у нас тоже работает много иностранных компаний. В том же Туркменистане, где газа много. Я не знаю, какие, но там компаний много. Азербайджан, например, «Бритиш Петролеум», они помогают там все делать...

Н.Ф.: Они там занимаются разведкой?

Н.К.: Конечно! Я часто в Баку езджу, там нефть была неглубокая. Два километра, три. Сейчас уже семь!

У нас была самая глубокая скважина нефтеносная в Чечне, Андреевская, пять километров. Говорили: глубже нефти нет. Есть! Но это надо изучать, понимаете?

Там целенаправленное изучение. У нас тоже есть эти отделы. Работают. Я не очень это знаю. Не берусь судить об этом. Но общее впечатление таково, что новых крупных месторождений не открыто ни одного.

Н.Ф.: Да.

Н.К.: Крупных. Мелочь открывают. Вот Ковыкта, есть там, на границе Сибирской платформы и Западной Сибири. Я не знаю, ее запустили или нет. По-моему, запустили.

Н.Ф.: Это открыто уже после?..

Н.К.: Может быть, наметки были-то и раньше, а вот ее вроде обустроили так... Вот нефтепровод, который тянут в Китай, он очень большой, а нефти нет. Диаметр. Если мне память не изменяет, Фрадков, будучи премьером, приехал: «Что ж, — говорит, — труба-то такая, а нефти-то нету?! Ну-ка, открыть нефть! Завтра чтоб была!» — «Не получается!» — «Как так?! Я приказываю!» Я все-таки могу сравнивать, за столько лет. Многие вспоминают, как хорошо было раньше. Тут нельзя так говорить: «Все хорошо!» Вот если говорить о студентах и о геологии — была перспектива. Козловский* был очень крутой министр. Он жив сейчас. Он уже на пенсии, но он был в Геологоразведочном институте. Институт, к сожалению, захирел, совсем. А раньше он Мингео принадлежал, Министерству геологии. А у нас же нет Министерства геологии! У нас Министерство природных ресурсов. Оно ведает и лесом, и водой... И там есть Департамент геологии. Как раз заместитель там — мой бывший студент. Не заместитель, а он глава этого Департамента, Андрей Федорович Морозов. Помогает нам много. Вот он понимает все это, но денег-то мало дают. Мы этого не понимаем. А ведь если взглянуть, семьдесят процентов ВВП — это геология!

* Евгений Александрович Козловский (род. 1929) — геолог, министр геологии СССР (1975—1989), член Российской академии естественных наук, профессор.

Н.Ф.: Да.

Н.К.: Это нефть, газ, уголь, металл. Вы понимаете, казалось бы, у нас есть все! Мы много потеряли из месторождений, но у нас есть все даже сейчас.

Но если мы такие богатые — почему мы такие бедные?

Н.Ф.: Да, это да.

Н.К.: Это сакраментальный вопрос!

Об учителе Е.Е. Милановском

Н.Ф.: А скажите, пожалуйста, когда вы начинали работать в поле, кто вам больше всего дал? Кто был вашим учителем в полевых условиях?

Н.К.: А, в полевых условиях — конечно Евгений Евгеньевич Милановский... Когда я поступил, он был, по-моему, аспирантом еще. Он поступил до войны, участвовал в войне, дошел до Праги. Он такой был... Он был в штабе у Лелюшенко в танковой армии. Он был в штабе — картографический отдел, он хорошо ориентировался, поскольку студент был. Потом он поступил в аспирантуру. Я уже забыл, когда он защитился. Очень был талантливый геолог. У него отец был прекрасный, геолог — Евгений Владимирович Милановский. В Казахстане я был студентом на четвертом курсе. Три месяца я был в Казахстане. Я с ним все время ездил, и он меня учил. Учил рисовать меня. Обнажения всякие. Рельеф. Я от него научился, а потом вдруг самостийно стал рисовать маслом даже. И не только маслом... У меня,

видите, вот стоят...

Н.Ф.: Это ваши?

Н.К.: Да. Это Кивач. Я был в Петрозаводске на экскурсии.

Н.Ф.: Ага.

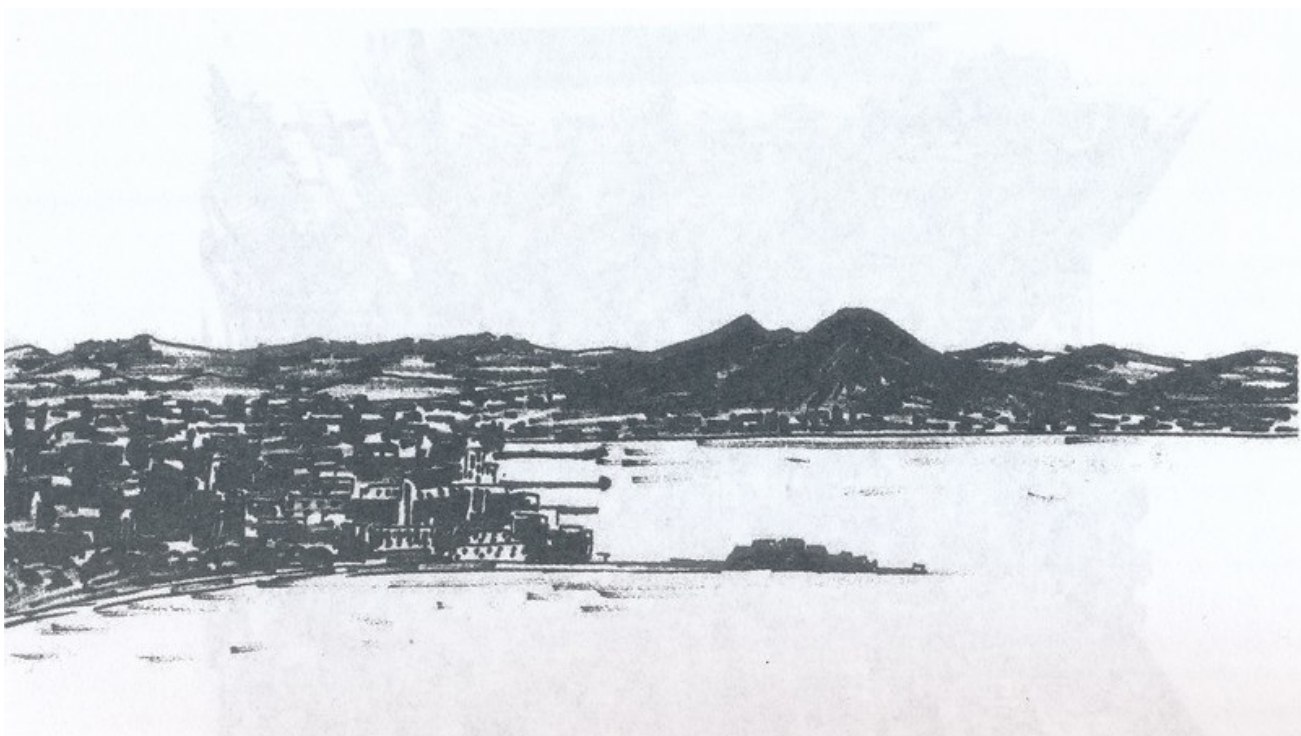
Н.К.: Набросал. 1999 год. Окрестности Юхново.

Н.Ф.: Очень здорово.

Н.К.: У меня есть такая книжка. Издал, Морозов помог. Я, когда за рубеж езжу, фломастером рисую.

Н.Ф.: Ух ты, как замечательно!

Н.К.: И у меня, понимаете, все страны, только России нет еще. Там Санторин, там Греция...

Вид Неаполя. На заднем плане — Везувий. Автор Николай Короновский. Источник: Короновский Н. День за днем бегом по жизни

Н.Ф.: Потрясающе.

Н.К.: Вот библиотека... Сейчас на шестом этаже, там у нас кафедра... Мы празднуем семьдесят лет, и вот эти...

Н.Ф.: Семьдесят лет факультету?

Н.К.: Нет. Кафедре.

Н.Ф.: Здорово. Замечательно.

Н.К.: Это что? Это Осло... Норвегия... Вот так, видите?

Н.Ф.: Прекрасно, прекрасно.

Н.К.: Это я быстренько, фломастером. Он меня научил. Я не умел. Я рисовал в детстве, у меня были какие-

то, говорят, способности.

Н.Ф.: Ага.

Н.К.: Но он научил меня геологию рисовать. Это очень важно было тогда. Раньше я рисовал на доске все, а потом оверхед на пленках рисовал. Теперь я переоборудовал аудиторию большую. Я читаю сейчас уже двадцать шесть лет первому курсу. То я читал на старших курсах, а тут двести человек с лишним. И я рисую прямо на листе бумаги, и все видно. Тут же компьютер. Я могу показать картинки, но показ картинок они забывают сразу. Вот когда они за мной рисуют, я потом оставляю листочки — они все их расхватывают — совсем другое [дело]. Геолог должен уметь отображать мысль графически.

Н.Ф.: Ага.

Н.К.: Это очень важно, графическое восприятие. И Милановский меня этому обучил. У меня много, если взять мои книжки записные, их там наверно сотня лежит, там все вот так, он приучал... А сейчас мы не ездим в поле. Студенты не могут изобразить. Даже на экзамене. Я не могу вам не показать одну картинку. В прошлом году... Студентка. Разговаривает целый час. Говорит-говорит... А я как раз говорил о внутреннем строении Земли. У меня разрез такой, рисую. Говорю: «Ну-ка, спуститесь сюда!» Она спустилась. Я говорю: «О чем я говорил?» — «О строении Земли». — Я говорю: «Можете его нарисовать? Пожалуйста». Вот она нарисовала. (*Показывает рисунок.*) Под общий хохот всей аудитории. (*Н.Ф. смеется.*) Вот это — земная кора. Это — Земля. А это ядро. Вы понимаете?! Все лежали. Я сохранил это. Виктора Титовича знаете? Трофимова?

Н.Ф.: Да-да-да.

Н.К.: Из его группы. С его кафедры. Я говорю: «Титыч! — Мы с ним приятели. Я говорю: — Распишитесь только!» Это непреходящая ценность. Понимаете, мы сейчас боремся с этим. Но вот это ЕГЭ — оно, конечно, убило всех! Они настолько неграмотные, студенты! Они не знают географии! Географии не знают *никакой!*

Н.Ф.: Угу.

О современных студентах

Н.К.: Они не знают историю. Они не знают литературу. Они ничего не читают! Я спрашиваю на лекциях часто: «Что вы читали?» Кто-то скажет: «Пелевина». Я говорю: «Ну, я его не читаю. А еще-то что?» Одна-две скажут, а остальные ничего не читают.

Н.Ф.: Да.

Н.К.: Шесть геофизиков, правда, не здесь, а в Дубне. Я там завкафедрой пятнадцать лет в Международном университете. Кафедра экологии.

Н.Ф.: И сейчас тоже?

Н.К.: Да! Меня там тоже переизбрали. Экология и наука о Земле. Вот сидят шесть геофизиков. Выяснилось, что ни один не знает, что такое «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев».

Н.Ф.: Потрясающе!

Н.К.: Не читали. *Не читали!* Вы понимаете, вот уровень образованности!

Н.Ф.: Мне кажется, что это компьютер. Это видео, видеоизображение...

Н.К.: Так вот еще другое дело... Я рисую когда, много рисую — в аудитории вспышки. Все фотографируют. Зачем рисовать...

Н.Ф.: О! Да-да-да.

Н.К.: ...когда можно сфотографировать.

Н.Ф.: Да-да-да.

Н.К.: Понимаете! Но на экзамене я говорю: «Нет! Пожалуйста». — «Мы же — да! Мы знаем!» — «Ну рисуйте!» Ничего не получается у них. Не у всех. Я как-то Садовничему — было заседание в новой библиотеке — сказал: «Знаете, у меня твердое убеждение...» А, это когда он вел факультативные курсы! Вы же знаете, может быть, что в среду, с трех до пяти, занятия отменялись на всех факультетах. В это время должны были профессора читать лекции, но не для своих студентов. На мои лекции запрещалось приходить студентам-геологам, только с других факультетов. Я объявил курс «Планета Земля. Уровень нашего незнания, или Что мы знаем о Земле». Слушали двести сорок пять человек. Я зачеты ставил. Мало того, одна студентка с ВМКа, с пятого курса, вот она поступила к нам в магистратуру, после лекций этих. Всем нравилось очень. Но я рассказывал для непорочных, понимаете. Несложные вещи. Я же не объяснял им, что малое шевеление в нелинейных уравнениях приводит к бифуркации. «Нам понятно это!» Но это говорили математики. А все факультеты ходили!

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Все. Кроме «стран Африки», потому что им далеко ездить из центра. А все, кто здесь — были. Биологов много было. Почвоведов. ВМК, физики, химики. Вы понимаете, уровень упал, все признают. Садовничий тоже говорит откровенно: уровень студентов упал.

Н.Ф.: Да.

Н.К.: Я говорил с физиками. У меня знакомых физиков много. Декан бывший, Володя Трухин. Он был у меня в Енисейской экспедиции. И, не выдержав комаров и гнуса, бежал. Потом из Туруханска. Потом стал деканом, проректором был. Сейчас завкафедрой физики Земли... Палеомагнитолог он.

Н.Ф.: Да.

Н.К.: Понимаете, пропадает интерес студентов. Вот день открытых дверей. Родители меня иногда спрашивают: «А сколько мой сын будет получать?!» Я говорю: «Вы хотели сказать зарабатывать?» — «Ну да, получать зарплату!» — Я говорю: «Это две большие разницы, заработать и получить». Как он будет учиться... Я говорю: «У меня твердое...» Да, я под аплодисменты сказал всем, больше сотни было преподавателей, когда Садовничий вызвал. Я говорю: «Двадцать пять процентов надо выгнать сразу, после первой сессии. Двадцать пять процентов учится хорошо, они хотят учиться. Пятьдесят процентов — это колеблющаяся масса. Либо сюда, либо туда. В зависимости от того, что будет». Но мы же не можем выгонять!

Н.Ф.: А почему?

Н.К.: Как почему?

Н.Ф.: Я это не очень понимаю.

Н.К.: У нас хоть и нет подушевого финансирования, в других-то вузах оно есть. Вот выгнали студента — значит, деньги у вас пропали.

Н.Ф.: Нет. Но мы могли бы брать, если бы у нас аудитории позволяли, предположим, курс не двести пятьдесят человек, а...

Н.К.: Нет. Но это, понимаете...

Н.Ф.: ...триста пятьдесят. А сто выгонять.

Н.К.: В Сорбонну принимают всех. Но кончают пять процентов.

Н.Ф.: Такой вот принцип! Это правильный принцип.

Н.К.: Но в свое время президент Медведев, после событий на Манежной площади, помните...

Н.Ф.: Да-да-да.

Н.К.: Он сказал открытым текстом: «Не надо выгонять! Они могут пойти на Манеж». Выгнанные. (*Н.Ф. смеется.*) Понимаете, мы выгоняем, но не такое количество, которое надо было бы.

Н.Ф.: Мне кажется, что это какая-то у нас болезнь...

Н.К.: У нас вроде нет подушевой... Мы не очень понимаем те законы, по которым мы живем. Но мы не можем выгонять. Я хорошо помню Логунова, ректора. Когда он в Актовом зале сказал: «У нас упало качество. Стали хуже сдавать. Надо ужесточить требования. Но помните, что каждые выгнанные десять студентов — это единица преподавателю». Ему говорят: «Это что, шантаж?» — «Ну что вы! Это я вам просто поясняю». Понимаете?!

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: И сейчас такая же ситуация.

Н.Ф.: Да-да.

Н.К.: Я тут был у проректоров. Значит, наш университет перегружен сотрудниками, надо сокращать. Тут два аспекта. Первый аспект — надо повысить зарплату преподавателям. Ее повысили уже. Но не научным сотрудникам. Денег на это нет. Как повысить? Надо уволить часть. Но если нагрузка у вас, у доцента, восемьсот или шестьсот часов, то будет тысяча, чистой нагрузки. Это значит, шесть часов в день.

Н.Ф.: Да.

Н.К.: А, простите, как же у вас вырастет индекс Хирша при этом?

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Когда вы должны делать научную работу и публиковать в высокорейтинговых журналах? А сейчас, если будут сокращения научных сотрудников, тогда вообще о чем говорить?

Н.Ф.: Да. Это какой индекс Хирша тогда...

Н.К.: Вот тут какая-то нестыковка. Хотим одно... Вот, associate professor в Штатах, доцент, нагрузка — двести сорок часов. Причем у них лекция пятьдесят минут, а не два по сорок пять, как у нас.

О дяде Борисе Унбегауне

Н.К.: Я был в Лунде в университете, в Швеции. Маленький городок. Хороший очень университет. Студенты учатся: две-три лекции в день. По пятьдесят или по сорок пять минут. Все остальное время — это самостоятельная работа. Преподаватель дает задание: вот столько журналов, книг прочесть. Написать реферат за неделю. И потом обсуждать. Дядя мой был двадцать пять лет профессором Оксфорда. Он был славист. После революции, в общем, с Врангелем он был.

Н.Ф.: Это со стороны матери?

Н.К.: Да, со стороны матери. Борис Унбегаун*. Мать тоже Унбегаун была. Она была Елена Генриховна, но переделали в Елену Георгиевну во время войны. Как на это все не обращали внимания? Но была фамилия отца, Короновская.

* Борис Генрихович Унбегаун (1898—1973) — лингвист, специалист по славянским языкам и литературе. Участник Белого движения. Родился в России, по происхождению немец; работал в университетах Франции, Англии, США.

Борис Унбегаун. Источник: Короновский Н. День за днем бегом по жизни

Н.Ф.: Угу-угу.

Н.К.: Понимаете, любил языки всякие, особенно славянские. Он знал примерно сорок языков. Все европейские и плюс все славянские: сербский, хорватский, болгарский, — все, какие можно. Он был профессором Страсбургского университета. И вот что интересно: его все-таки в 1943 году немцы посадили в Бухенвальд. Посадили в Бухенвальд, но он выжил, потому что знал столько языков — он заведовал картотекой. Его дочка, которая жива, — моя двоюродная сестра, она в Канаде. Она родилась в Париже. Он, говорит, не вспоминал совершенно об этом времени, о Бухенвальде. Потом он опять был в Страсбурге, а потом уехал в Оксфорд, в Brasenose College, я был там. Он двадцать пять лет был профессором.

Н.Ф.: Но вы с ним не встречались?

Н.К.: Не встречался. Он только мне присылал, помню, свитер один и «паркер», ручку, давно, такую, знаете... Она у меня до сих пор есть. Но младший мой сын, которому уже тридцать шесть будет, когда ему было три года, он ее почему-то бросал в пол, пытался воткнуть. Я был в Канаде, пошел в «Паркер» магазин. Я говорю: «Мне бы перышко к ручке к этой». — «Что вы! Давно уж таких нет». Я рассказал историю. Говорят: «Мы вам любую ручку дадим». Я говорю: «Мне не надо любых!» Так она лежит, не могу перышко найти.

Так она хорошо писала...

Н.Ф.: Чернильная ручка...

Н.К.: Чернильная. Но я люблю так, чтобы не нажимать. Хорошо писала, в общем... Ну вот, он потом был профессором Оксфорда. Я был там, спрашивал. У него было шесть-семь студентов. Всего! А зачем больше?! Но он каждому давал задание на неделю, мне сестра Таня говорила. «Папа давал, — говорит, — в метр стопку журналов. Они читали, писали, и потом они обсуждали это. С каждым. Это можно час, два, можно день. Они обедали. Потом снова обсуждали». Вот, где тьюторство-то! Тьютор, индивидуальное обучение. Я тут поднимал вопрос об этом. Даже не буду говорить с кем, в ректорате. «Да, — говорит, — это очень хорошо. А как часы учитывать? Это что же? Вы с одним будете полдня сидеть? И вам что, пять часов писать нагрузку?! Вот если бы сто!» Я говорю: «Можно тысячу, давайте сделаем...». Понимаете, как писать часы!

Н.Ф.: Ну да...

О системе преподавания на Западе и в России

Н.К.: В тех же Штатах у доцента двести сорок часов. И если у вас есть гранты, а там гранты получить можно, там масса... Что у нас? РФФИ и все!

Н.Ф.: Масса разных фондов...

Н.К.: Разных фондов, да. С вас снимают часы учебные. И у вас может быть сто пятьдесят часов. А не девятьсот и не тысяча! Вы понимаете?

Н.Ф.: Да, конечно.

Н.К.: У нас что-то в одном месте делают, в другом... Если уж все на Западе, давайте как на Западе! Давайте профессор — пять-семь тысяч евро. У доцента — три-четыре тысячи евро. Понимаете?

Н.Ф.: Да.

Н.К.: Научная работа идет. Да, гранты там проблема. Они очень много времени употребляют написание. Но там их можно выиграть. А у нас... Я один раз грант выиграл на пять миллионов. С Института физики Земли у нас есть профессор Агошин, «полпрофессора» — на полставки. Это же каждую неделю надо было писать бумагу! Это какой-то кошмар был! Мы зареклись! Не надо нам этих денег!

Н.Ф.: Да.

Н.К.: Даже мы патент получили. Это тоже были — по Кавказу, по Сочи. Олимпиада. Там насчет оползней. Мы защищали на Горького, на Тверской, в этом, в Министерстве науки и образования. Комиссия была человек шесть, ни один ничего не понимал, вообще. «Пункты все ли выполнены? Вы должны это сделать». — «Да, все выполнено». Единственный был крупный недостаток — мы перепутали какую-то женщину, назвали ее «заместитель директора департамента», а она была заместителем начальника отдела.

«Как же вы могли такое сделать?! Но это же... А если узнает начальник департамента! Надо все переделать». Я говорю: «Тридцать страниц!» — «Все перепечатать! Все!» Это самое важное замечание было! Так все защитили.

Н.Ф.: Да. Ну понятно, что у них...

Н.К.: А там, между прочим, отчеты. Там получили деньги вот на такую тему — написали статью — ваш отчет. Статья — это ваш отчет. И не спрашивает с вас каждый. Вот это режет. Не представляете, сколько я как завкафедрой каждый день подписываю бумаг всяких. Вот эти... ФГОСы, Федеральные государственные, я даже не знаю... У меня раньше была программа, в университете, моя программа курса, мои учебники, и я. *Все!* Теперь я должен писать вот такие бумаги: «Какую компетенцию приобрел студент после первой лекции?»

Н.Ф.: Да-да.

Н.К.: Я говорю: «Ну какую он может приобрести компетенцию?! В конце — знание программы, знание курса. Вот его компетенция». — «Нет, все надо расписать!» Но не просто компетенция, научная, учебная, а политическая! Вы понимаете?

Н.Ф.: Да.

Н.К.: Это же все выдумывают в министерстве, потому что они не мыслят по-другому! Они же...

Н.Ф.: Ну да, им надо как-то оправдывать свое существование.

Н.К.: Ну вот, понимаете! Им бы ЕГЭ сдать всем! ЕГЭ. Причем сдать не так вот, а на серьезе, понимаете...

Спор фиксистов и мобилистов

Н.Ф.: А вот еще такой вопрос, из прошлого. Были ведь очень горячие в ваши времена дискуссии, фиксисты и мобилисты...

Н.К.: Да! Вот только что мы с редактором сейчас...Я, говорит, не совсем разделяю... Я говорю: «Вы можете что угодно не разделять, вы докажете!»

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Понимаете, это тоже интересно. В 1960-х годах поступили данные, которые говорили о том, что Земля — не такой, так сказать, застывший шар...

А раньше — что все материки, все океаны как бы гвоздями прибиты к мантии. Есть кора, а есть мантия. Прибиты к мантии. Так меня учили. А получились новые данные. Благодаря чему? Благодаря новой технологии и новой технике. Стали изучать океаны. Магнитное поле океана. Потом появилось GPS. Это потом, правда... Обнаружили такие породы, комплексы, которые не знали, как объяснить. Когда стали изучать океаны и бурить, выяснилось — а ведь это же океаническая кора! У меня на кафедре лаборатория палеомагнетологии. Есть такой метод, когда вы можете измерить остаточную намагниченность в горных породах, потому что мы живем в магнитном поле. Напряжение очень маленькое — 0,5 эрстед примерно, 0,1 ампер на метр. Мы все в нем живем, в этом поле. И если у вас лава извергается, значит, когда застывает, она, проходя точку Кюри так называемую, приобретает намагниченность по силовым линиям и по напряженности этого момента. Сегодня извергалась, застыла, вот она и будет отражать. И выбить эту намагниченность нельзя ничем. Только нагреть снова, скажем, до 800 градусов. Или молния ударит. Но молния не в каждое место бьет. Значит, если мы выпилим ориентированный образец — я еще занимался в 1955 году на Кавказе этим методом, тогда он был примитивный — мы можем, обработав на специальном астатическом магнитометре, сейчас — сложной обработки, определить широту преимущественно. И положение полюса той эпохи. И определяли. Взяли породы в Северной Америке с возрастом 180 миллионов лет, это юра. Взяли в Европе. Вычислили полюс. Получилось, один полюс здесь, один — здесь. Что же значит? Два полюса? А у нас система дипольная. И никогда не было квадро или окта. А как же быть-то? Давайте мы сдвинем Европу и Америку, закроем Атлантику.

И полюс сольется. Потом стали изучать магнитное поле океанов. Оно оказалось совсем не такое, как на суше. Оно симметрично относительно хребтов. Были открыты хребты, вот эти, красненькие, в океанах.

Это надо было объяснять как-то. Открыли так называемые офиолитовые ассоциации. Это в свое время в Альпах, в Лигурийских Альпах, Штейнман такой, геолог-австрияк, описал эту ассоциацию. Да, ультраосновные породы. Потом — основные, габбро. Потом базальтовые лавы. Кремнистые сланцы. Триада Штейнмана. Ну, триада и триада. Я ее сам картировал на Кавказе. Но мы не понимали, что это такое. Мы говорили, что это изнутри выдвинулась интрузия и так далее. А оказалось, что это ископаемая океаническая кора. Сейчас Атлантика, по данным GPS, мы все знаем, что она раскрывается со скоростью 6–7 сантиметров в год. А раньше ее не было, Атлантики. Она начала раскрываться 180 миллионов

лет назад. И Тихого не было океана. И Индийского не было океана. А был огромный один материк, Пангея. Вегенер*, который ее впервые выдвинул в 1912 году, за что его растерли в порошок, смешали с грязью и так далее. А до этого был тоже океан. Палеозойский, Япетус. И когда он закрылся, породы оказались выплеснутыми на края — в Скандинавию, и в Аппалачи. И они все не местные, они аллохтонные, то есть они закрывают Балтийский щит.

* Альфред Лотар Вегенер (1880—1930) — геофизик и метеоролог, создатель теории дрейфа материков.

Н.Ф.: Да. Ну, понятно.

Н.К.: Сейчас альтернативы в тектонике у них нет. Я еще в старые времена, выступая, говорил: «Товарищи, давайте не будем спорить. Учение о тектонике плит всесильно, потому что оно верно».

Н.Ф.: (*Смеется.*) Да. А вы помните эти дискуссии горячие, да?

Н.К.: Хо-о! Вы знаете, Европа и Америка особенно, она приняла сходу.

Н.Ф.: Вас учили ведь фиксисты еще? Да?

Н.К.: Конечно! Я уже...

Н.Ф.: Белоусов*, который у вас читал лекции...

Н.К.: Белоусов был на моей кафедре. Здесь.

* Владимир Владимирович Белоусов (1907—1990) — геолог, геотектонист. Автор радиомиграционной гипотезы развития тектоносферы. Беседы с сыном Владимира Белоусова Львом Белоусовым доступны [по ссылке](#).

Н.Ф.: Фиксист?

Н.К.: И был Хаин, академик...

Н.Ф.: Да-да.

Н.К.: Они были абсолютной антитезой. А! Все-таки встал вопрос, когда был Ершов деканом. Я уже не помню, когда было-то. В общем, пригласили к декану завкафедрами, всех. Может, я уже был или не был еще завкафедрой, не знаю.

Пригласили Белоусова, Смирнова. Всех наших академиков.

Как преподавать новые идеи студентам? Белоусова спрашивают: «А вы как читаете геотектонику?» Он говорит: «Я читаю по Белоусову или не читаю вообще!» Все там говорили так. В 415-й аудитории устроили диспут.

Н.Ф.: Это в каком году было?

Н.К.: А вот, убей меня бог, не помню.

Н.Ф.: Ну это уже... Вы уже работали, наверное...

Н.К.: Что значит работал... Вся эта идея о тектонике плит после 1963 года пошла.

Н.Ф.: А! Да. Понятно. То есть это уже...

Н.К.: Это где-то был 1970 год.

Дискуссия началась с того, что Белоусов выступил. Полная аудитория была. Вот сейчас вы не соберете, вообще на новые идеи никого не соберете. А раньше — пришли все кто мог: студенты, преподаватели. Белоусов выступает. Вот он стоит, Белоусов, его видеть надо: Богданов и Белоусов.

Это такие, знаете — о! Высокие такие! Типа дореволюционного интеллигента. Богданов вообще родился в Швейцарии, знал французский. «Я, — говорит, — затрудняюсь сказать, что сейчас происходит. По-видимому, это предательство по отношению к нашей русской и европейской континентальной геологии». Тут же Хаин вскочил: «А! Я предатель?!» А Хаин был уже апологет. «А вы преступник! Потому что вы преступно замалчиваете все новые факты!» И как пошло вразнос тут все! Студент один выступил, Легрер: «Нас плохо учат». Милановский: «Это я вам читаю геологию, я плохо учу?!» А он фиксист был. Я уж не помню, кто еще. Фролова выступала. Очень сложно было у нас сломать психологию. Европа, Америка приняла через год.

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Богданов был... Это знаете когда было? Я вам скажу: Богданов умер в 1965-м, что ли. Ему шестьдесят с небольшим было, у него аорта разорвалась. В академической больнице не могли ничего сделать, такая была больница. Он был в Южной Америке на конференции. И, говорит, там уже все шло в тектонике плит, все доклады. Один кто-то из нашей делегации вроде сказал: «А может быть, это совсем не так?! — И говорит: — Вся аудитория молча обернулась и посмотрела на него. Я тут понял, что надо бежать. Что говорить не надо там». А у нас были бесконечные дискуссии. В 01 аудитории, у нас каждый год было тектоническое совещание. Много лет.

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Собирало восемьсот человек. 01 не вмещала! Сейчас тектоническое совещание — я заместитель председателя Тектонического комитета России — если на первое заседание сто человек придет, это хорошо.

Н.Ф.: Ну, да.

Н.К.: Я смотрю и говорю: «Граждане, тут есть кто-нибудь — не пенсионер?» (*Н.Ф. смеется.*)

Н.К.: Вы понимаете, никого нет! Молодежи совершенно нет! Тогда, значит, Резвой такой был, профессор из Львова: «Я вообще не понимаю, что происходит! Какая же это геология! Это какая-то геологическая навигация! У вас куда-то плывет все! Вы вообще думаете о чем-либо?! Как это может быть?» Даже в «Правде» была статья!

Н.Ф.: А в «Правде» была, это...

Н.К.: Зеншайна, по-моему, или кого-то еще из апологетов плитной тектоники.

Н.Ф.: Фиксисты?

Н.К.: Нет, мобилисты.

Н.Ф.: Мобилисты.

Н.К.: Была [статья] о том, что не дают развиваться...

Н.Ф.: Не дают прохода... Да?

Н.К.: Да. Это я застал в свое время. Сейчас-то это смешно, конечно, вспоминать.

Н.Ф.: Но интересно.

Н.К.: Ну, вот, пожалуйста, вот, редактор пришел: «Я, — говорит, — против плитной тектоники. Есть масса фактов». Я говорю: «Пожалуйста, давайте обсуждать. Вот вы назовете один... Да, она уже изменилась. За сорок лет уже не та плитная тектоника. Но другой альтернативы нет!»

Н.Ф.: Ну да. Конечно. А знаете, что меня удивляет? Проходили дискуссии в науке, в советской. И очень часто идеологический момент привешивали. Что вот это там — буржуазная наука, а у нас правильная.

Н.К.: Ну господи, я сам все пережил...

Н.Ф.: А здесь...

Н.К.: Нет. Тут этого не было.

Н.Ф.: Здесь не было.

Н.К.: Просто, понимаете, очень сложно отказаться от привычного.

Н.Ф.: Ну да.

Н.К.: У нас была сейчас конференция в мае. Кафедра организовала. Наталья Валерьевна Лубнина, молодой профессор, она в сорок лет докторскую защитила. Значит, Родиния, суперконтинент, девятьсот миллионов лет назад. Было три эпохи, когда суперконтиненты были, а потом распадались.

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Последний был Пангея. Это двести миллионов лет назад. Вегенер.

До этого была Родиния. До этого был Кенорленд или Нуна. Кто выделяет четыре суперконтинента в истории Земли, а некоторые — пятнадцать. Четырнадцать выделяют! Мало ли, что кто выделяет. Знаете, какие методы, какие данные... Но вы ничего не можете противопоставить. Что-то можно сказать — да, не вписывается.

Даже GPS данные вот эти. Я говорил тут, у нас есть Институт геосфер, академик Адушкин заведующий. Вот они вроде [говорят]: данные GPS, стационарные данные (есть временные, а есть стационарные), из-за влияния атмосферы у них точность метр или больше. А не миллиметры, как говорят.

О геологии как науке

Н.К.: Понимаете, это в одном месте — да. Но в целом это так. Вот Европа, например, и мы вместе с Европой — тут мы едины — все движемся к северо-востоку со скоростью два сантиметра в год. Все вместе! А вот Аравийская плита с ваххабитами — давит на Кавказ! На Кавказе землетрясения. А Анатолия вся отъезжает к западу. Все объясняется этим. И все можно объяснить. Быстрее всего Австралия движется, пятнадцать сантиметров в год. Она скоро столкнется с Индонезией, и будет один материк. Есть такие проекты: если все будет так, как сейчас, то через пятьдесят миллионов лет будет так-то. У нас это пробивалось очень сложно. До сих пор еще есть люди, которые... Но, понимаете, геология — во многом это искусство, а не наука. В каком плане искусство? Я хорошо помню, в Тбилиси было заседание.

” Один физик выскочил, говорит: «Что у вас за наука? Ни числа, ни меры, ни формул. Как вы доказываете?» Белоусов встал и сказал: «Вы совершенно правы. У нас этого ничего нет. Надо не ругать нас, а восхищаться, что несмотря на все это мы сделали так много!»

И это действительно так. Все-таки, вот, я по телевидению часто выступаю, там вот — «Что мы знаем о Земле?», была такая у меня лекция. И ведь мы знаем настолько больше, чем когда я учился! Когда я учился, у нас висели карты — на северо-восток были белые пятна. Вообще ничего.

Н.Ф.: Геологические.

Н.К.: Да. Пустота была. А сейчас мы их знаем лучше, чем Подмосковье: там золото, там уран, там то-то... Нужно это все изучать. Вот поэтому, понимаете, за свою жизнь я геологию-то... Вот это написать бы все надо!

Н.Ф.: Да. Это очень интересно.

Н.К.: Вот эта книжка, Энтони Хэллема, профессора Бирмингемского университета, замечательная. Она есть в русском переводе «The great geological controversies», «Великие геологические споры». Он прекрасно описал борьбу плутонистов и нептунистов. Потом Вегенер... Потом об оледенениях... Это история науки. У нас есть курс истории и методологии науки. Он не очень хорошо читается обычно, скучновато. А вот когда умер один преподаватель, читал академик Хаин — он великолепно читал! Он ничего не готовился. Он все знал, экспромтом. Недавно умер в возрасте девяноста пяти лет.

Н.Ф.: Да, я его немного знал.

Н.К.: Он слепой был, но лекции читал прекрасно! Все знал! Вот образованность-то где была! История науки и состоит в этом — в борьбе идей. Вот Кювье, я думал, он прокурор, а он был помощник прокурора. Но вот поспорь катастрофист с помощником прокурора! У нас бы не поспорили, точно. *(Н.Ф. смеется.)* Понимаете, вот это...

Н.Ф.: Да...

Н.К.: Борьба идей, всего... Куда-то мы — насчет образования — не туда идем. Главное, понимаете, что я лично не понимаю? Значит, мне уже восемь лет — война была. Мы все понимали: вот есть фашизм, фашистов надо разбить. Была стратегия — все для победы. Как достигалось — это другой вопрос. Была тактика, была цель. И мы добились этой цели. Была Победа. Дальше — это другой вопрос. А вот эта модернизация — двадцать лет нас теребят! Какая конечная цель? Фурсенко объявил тут: «Модернизация конца не имеет». *(Н.Ф. смеется.)* Это еще он министром был. Она непрерывна, понимаете?

Н.Ф.: Нет. Я думаю, что да. С образованием здесь много печального...

Н.К.: Ну и Академия! То, что с Академией сделали, это тоже, конечно, картина Айвазовского. Как это в фильме «Ликвидация» — картина маслом. Вот это — картина маслом.

Н.Ф.: Да. А вы стали говорить, что все-таки разница между дискуссиями в других науках и геологии, что это время другое было...

Н.К.: Знаете...

Н.Ф.: Потому это мягче было? Да?

Н.К.: Нет, не то, что мягче... Раньше вообще были дискуссии... Мы, я считаю, потеряли всяческую способность к дискуссии нормальной. Вот я выступал, как-то говорил, да довольно часто говорю: «У нас две формы дискуссии. Одна форма — «Он дурак, потому что он думает не так, как я». А вторая форма — какая же вторая форма-то... какая-то еще была, забыл. Понимаете, нормальной дискуссии, уважительной, нет! Вот Нильс Бор, я читал, когда был отвратительный доклад, ему не нравилось, у него было только одно выражение: «Это очень интересно». И когда [докладчик] выходил [у него спрашивали]: «Ну как?» — «Полный провал. Бор сказал, что это очень интересно». А у нас же, понимаете, дискуссия: «Вот у меня не так! Я думаю, что это все не так!» Причем нет доводов никаких! Я председатель Ученого совета, идет защита, аспирант защищает. И начинают выступать: «А вот вы не сделали то-то. А вот я работаю там-то, у меня вот это не так». Я останавливаю, говорю: «Уважаемые члены совета! Выступает диссертант. У него работа. Оцените работу! Кандидатская — это квалификация. Оцените его квалификацию. Он много чего не успел сделать. Я думаю, что и вы не успели много чего сделать, но это другой разговор. Оцените эту работу». Не могут! Понимаете: «Вот у меня не так! Вот не так все». Это ужасно! Раньше были дискуссии. Я вот в Киев как-то ездил, там у отца моего приятеля покойного, у него были все книжки, 1948 год, с Лысенко.

Н.Ф.: Да-да.

Н.К.: ВАСХНИЛ. Кстати, вы знаете, что за биофаком у вас есть ниша...

Н.Ф.: Да-да.

Н.К.: Когда мы поступали, в 1953 году, там должен был стоять Лысенко.

Н.Ф.: Мичурин...

Н.К.: Нет! Лысенко!

Н.Ф.: Лысенко?!

Н.К.: Лысенко. А потом все пошло под откос — и там была бетонная клумба с цветами. Сейчас уже даже клумбы нет. Просто ниша. Так вот, дискуссию эту я читал. Ну великолепно! Как роман читается... Спрашивают, Кольцов, другие, академика Презента: «А почему мы не знаем ваши работы вообще?» — «Мне некогда писать! Я борюсь!»

Н.Ф.: Да-да.

Н.К.: У него был ответ этот, классический.

Н.Ф.: Но это известная вещь...

Н.К.: Но там, понимаете, была дискуссия... Вот я купил журнал «Дилетант». Хороший журнал, между прочим, я даже не знал. Раз в месяц выходит. И там хорошая дискуссия о физике, причем МГУ принимало участие. Максимов был и Гессен. Они выступали за эфир. Присутствие эфира. И вот Йоффе, Ландау и кто-то еще прислали им фототелеграмму, она там приведена, рисунок какой-то с бутылками. И написано: «Потрясенные что-то эфиром, приступаем к изучению теплорода и чего-то там еще...». Но это же был, понимаете, антимарксистский взгляд физиков наших...

Н.Ф.: Да-да-да.

Н.К.: И хотели громить физику в МГУ!

Н.Ф.: Но не дали...

Н.К.: Иваненко и другие. Иваненко как раз был тогда с Ландау. Не удалось это сделать.

Н.Ф.: Да-да.

Н.К.: Иосиф Виссарионович сказал, между прочим: «Не трогайте физиков». Когда атомная бомба была... Понимаете, хотелось бы подискутировать, конечно-то. Но вот попробуйте, вызовите на дискуссию сейчас — не пойдут.

Потому что «я самый неповторимый, я самый умный, с кем мне говорить!» У нас и сейчас есть исследователи, которые считают, что Земля расширяется.

Я помню, была дискуссия. Милановский говорит: «Земля с мезозоя расширилась на тридцать процентов».

Н.Ф.: Ничего себе!

Н.К.: Ему надо было объяснить появление рифтов, всего этого.

Н.Ф.: Ага.

Н.К.: Хаин говорит: «Нет, Евгений Евгеньевич! Это вы слишком! Давайте пятнадцать!» Я говорю: «Виктор Ефимович, почему пятнадцать-то?» — «Ну, цифра хорошая такая, приемлемая!» Я говорю: «Ну не может расширяться Земля, даже на один процент». Значит, я взял физика из ГАИШа, студента. Мы набрали материал и написали статью в «Геотектонику», хороший журнал. Что Земля может расширяться на плюс-минус один процент. То есть — ничего.

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: И вы знаете, опять появляются — опять расширение. И никто не ссылается, никто... У нас ничего нет, у нас только элементарные физические формулы.

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Земля находится в содружестве планет. Нельзя изменить ее радиус, чтобы не изменить всех законов Кеплера. Светимость солнца должна меняться. Все должно меняться. «Это ерунда! А мне надо, чтобы она расширилась!» И механизма нету, чтобы она расширилась!

Н.Ф.: Да.

Н.К.: Нету такого биохимического...

Н.Ф.: Ну да, вещество должно быть...

Н.К.: Да. Начинают всякие изобретения.

Н.Ф.: То есть Хаин был сторонником расширения Земли? Или он шутил?

Н.К.: Нет, Хаин был очень осторожен. Он сказал мне: «Ну, Коля, вы забили последний гвоздь в эту игру». «Виктор Ефимович, вы же сторонник были?!» — «Я, может, не подумал». Он такой был...

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Он принимал и сразу отказывался...

Н.Ф.: Но вот мобилизм он отстаивал тогда яростно!

Н.К.: Да! Это он да! Яростно совершенно! И он правильно отстаивал, потому что альтернативы *нет*. Вы не можете объяснить без него. Возьмите Урал. Классическое место, там две зоны всегда выделяли. Эта — эвгеосинклинали, эта — мио. Это — внутреннее, это — внешнее. Мы говорили: «Ну как же так! Вот смотрите, океан получается... Ширина тагильской зоны десять километров. Что же у вас, океан был десять километров?» — «Вот если надо, то был!»

Н.Ф.: Понятно.

Н.К.: А эта зона образовалась оттого, что был большой океан. А потом произошло его закрытие. Коллаж. Структура. Островные дуги. И все захлопнулось.

Н.Ф.: Угу. По Уралу...

Н.К.: Это по любому району возьмите. Все объяснено. Понимаете, логично объясняется все. Дискуссия, понимаете, это интересно бы сейчас... Но сейчас нет дискуссий. Понимаете, были: «Ну вы вообще! О чем вы говорите, как может океаническая кора погрузиться в мантию, которая имеет эффективную вязкость десять в двадцать третьей степени пуаз. Эта вязкость, то есть твердость, больше твердости самой лучшей стали легированной. Вы вообще думаете о чем-то?» Потом пошла томография — прекрасно все погружается. Давление, температуры и флюиды. И кора тоже — десять в двадцать первой степени будет. Погружается! Понимаете? Это все доказано, но раньше-то этого не было!

Как доказали — замолчали. Тот же Белоусов, он говорил: «Вы сначала померьте, что они движутся в разные стороны!» Не было GPS тогда. Появилось — померили. «Владимир Владимирович, двигаются!» — «Ха, что вы померили — десять лет! (Или пять лет было.) Вы померьте сто лет!» Я говорю: «Владимир Владимирович, но за это время ни вас, ни нас уже не будет». — «Ну и что!» Вы понимаете?

Н.Ф.: Да-да, это конечно...

Н.К.: Сейчас столько намерили уже — тысячи измерений. И все так. И ничего против нету.

Н.Ф.: Да-да. Это конечно, интересно...

Н.К.: Знаете, я студентам все время... Я читаю на пятом курсе «Тектоника и магматизм», как магматизм помогает восстановить прошлые обстановки геодинамические. И пытаюсь их вовлечь в дискуссию. Ничего не получается! Я говорю: «Вот давайте вы... В том году было... Вам же читали историю науки. Все вы знаете. И Урал... [Я буду с фиксистских] позиций, а вы с мобилистских. Давайте». Правда, был один: «Урал делится на две зоны, эв- и миогеосинклинали». Тут же ответ: «Ты чего, дурак, что ли!?» (*Н.Ф. смеется.*) «Какая эв-?» Я говорю: «А кто выделил-то эти эв-, мио-?» Не знает. Я говорю: «Штилле был такой. Ганс Штилле». А до этого был этот... Я ж с ним знаком, водил его тут по Красной площади, не Льюис Кларк... Да не важно! Понимаете у него такая... Они не знают этого! Необразованность не позволяет им вести дискуссию.

Н.Ф.: Говорят, что уровень студентов падает во всем мире, вообще говоря. Это не только наше явление. Это общее явление.

Н.К.: Но какой вывод? Что, смириться с этим? Я могу любому за две минуты поставить двойку. Но могу всем поставить, скажем, четверки. Пусть гуляют...

Н.Ф.: Надо, конечно, уровень поддерживать.

Н.К.: Ну как, я же не могу, когда... Вот тут, на этом стуле, сидела девица одна. По третьему разу пришла что-то [сдавать]... Зашел разговор о реках. Я говорю: «Клязьма куда впадает?» Я говорю: «Москва-река куда впадает?» Не знает. Я говорю: «Ока куда впадает?»

Н.Ф.: Тоже не знает...

Н.К.: Я говорю: «Волга куда впадает?!» Я говорю: «Вон отсюда!» Она вышла. За дверью кричит: «Он, гад, про реки не рассказывал, а спрашивает!» (*Н.Ф. смеется.*) Я вышел, говорю: «Слушайте, почему же я гад-то? Все-таки куда Волга впадает, по-моему, в детском саду еще учат». Еще был ответ у меня. Я вам подарю, у меня есть книжечка «Выдающиеся изречения студентов геологического факультета». Я говорю: «Какую форму Земля имеет?» — «Шар!» Я говорю: «Ну шар, тоже в детском саду учат, что шар. Мы-то как говорим?» — «Ах да, она сплюснута!» — Я говорю: «А почему сплюснута?» — «Ну как почему?! Ядро железное, а полюса магнитные, они и притягивают». Я говорю: «Да-а-а...» А я сидел здесь, говорю: «Знаете, только тот факт, что я сижу в кресле, не позволяет мне упасть». — «А вы что ж, не знаете, что магнит железо притягивает?!» Я говорю: «Знаю. Сам в детстве баловался. Силовые линии». — И вроде она говорит, чтобы объяснить тупому профессору: «Ну вот, знаете, тарелки в оркестре стучат вот так. Так и Земля». У меня была двадцатибалльная система оценок в то время. И я ей поставил ноль. Потом рассказывал академику Жарикову: «Что же вы ей поставили?» Я говорю: «Ноль». — «Да вы что! За такой ответ надо двадцать ставить! Это же изумительный ответ. Раз в жизни можно получить!» (*Н.Ф. смеется.*) И раньше были... Но таких вот не было!

Н.Ф.: Здесь какая-то еще есть некоторая, не знаю, как сказать...

Н.К.: Я говорил вам, по-моему: любимый мой минерал, сахар. Вот они... Не видели они что ли никогда? Начинают капать кислотой. Твердость. Мягкий. Кальцит? — Нет, вроде, не шипит. Тут все. У меня специально хранится... Еще белый есть такой...

Н.Ф.: Угу.

Н.К.: Так и живем!

Н.Ф.: Да. Спасибо вам большое! Очень интересный рассказ, многогранный, я бы сказал. И спасибо, что так много времени истратили!